

ЧЕХОВ В КАНАДЕ

Обзор Дж.Дагласа Клейтона (Канада)^{1*}

ЧЕХОВ И КАНАДСКИЕ ПИСАТЕЛИ

Восприятие Чехова в Канаде во многом определялось ее двуязычной культурой. Если в англоязычной части влияния шли из Англии и Америки (причем именно Англия стояла на первом месте), то франкоязычные (или квебекские) писатели, наоборот, узнали о нем позже, и почти исключительно из переводов, сделанных во Франции, а также из многих контактов с французами, в основном с деятелями театра. В этой связи тот факт, что Людмила Питоева провела военные годы отчасти в Монреале, видимо сыграл известную роль: она сама не ставила пьес Чехова, но как бы одним своим присутствием напоминала о блестящих постановках пьес Чехова, осуществленных ее мужем Жоржем Питоевым в Париже в 20-е и 30-е годы. В Канаде попытки ставить Чехова на английском языке начались гораздо раньше, чем по-французски и, вероятно, вдохновлялись вначале успехом постановок Федора Комиссаржевского в Лондоне. Однако если для англоязычных канадцев Чехов остается в сущности создателем интересных, но довольно экзотических пьес, то для франкоязычной публики он быстро становится своим: в его пьесах и прозе она узнает мир, который ей кажется близким канадскому.

Так, в интервью журналу “Леттр кебекуаз” квебекская писательница М.-К.Бле, автор романа “Один сезон в жизни Эмманюэля” (*Une saison dans la vie d’Emmanuel*, 1965 г.), высказывает мнение о сходстве русского и квебекского национальных характеров и о близости их эмоционального склада¹. К сожалению, довольно туманными замечаниями такого рода ограничивается большей частью мнение современных канадских писателей о русской литературе. Конкретные суждения о Чехове встречаются редко.

Однако, примером того, как внимательно читают Чехова хотя бы некоторые канадские писатели, служат воспоминания о детстве франкоязычной писательницы Габриель Руа “Мое манитобское наследие” (“Mon héritage du Manitoba”, 1970), в которых она описывает переезд своей матери с молодым мужем из любимых лесных краев северного Квебека в прерии Манитобы:

«Ехали они поездом, потом, начиная с Сен-Норбера, который был, по смутило мне припоминающимся рассказам матери, своего рода караван-сараем для французско-канадских колонистов, отправляющихся на юг, они поехали, в одно весеннее утро, в доверху набитой телеге, через еще дикую равнину, по еле намеченной дороге, по направлению к взгорьям Монтань-Пембина, слегка волнистый рельеф которых должен был, по оптимистическим расчетам

^{1*} Сведения о переводах, обычно помещаемые в начале, здесь приводятся в конце обзора, поскольку в Канаде произведения Чехова в основном распространялись в переводах, сделанных в Англии, Америке, Франции (Ред.).

моего дедушки, смягчить боль, вызванную у его жены потерей ее родных холмов. Вышло оно, однако, наоборот: вид этого подобия гор обострил то ностальгическое чувство, которое у нее вызывали суровые холмы ее детства... Как описать впечатление, которое произвела на ее свежую и восторженную душу эта равнина, открывающаяся без конца, без предела, как небо, которое было также бесконечно, но которое до тех пор показывалось ей только в маленьких отрезках, ограниченных хребтами гор и так же разбросанных, как части мозаики? Здесь оно простипалось одним взмахом от одного манящего горизонта к другому, еще более заманчивому. Она никогда не оправилась от впечатления этой поездки и всю жизнь рассказывала о ней. <...> Позже, читая "Степь" Чехова, я как бы очутилась точно в такой же атмосфере, как в рассказах моей матери. Все там было: восторг при виде огромной, плоской земли, заманчивой, как открытая книга, но все-таки не сразу постижимой, трогающая странность в этом монотонном пейзаже, в этих признаках присутствия человека — у Чехова это издалека и так долго видимая мельница, в рассказе же моей матери — крыша дома, поднимающаяся наконец вдали ненаселенного ландшафта; чувствовалось, что вечно зовущий, вечно раскрывающийся горизонт — это, пожалуй, символ, образ идеала в нашей жизни, или даже будущности, нам кажущейся, когда мы еще молоды, такой щедрой обещаниями, которые будут вечно возобновляться и никогда не иссякнут»².

Как видим, Габриэль Руа принадлежит к числу авторов, которым творчество Чехова открывает в русской действительности черты, в чем-то близкие Канаде, ее суровой и вместе с тем поэтической природе, культу земли как источнику существования. Главное же — реакция человека на эти огромные, пустые ландшафты: они вызывают меланхолию и чувство незначительности человеческой жизни. Именно это чувство считается "чеховским" квебекскими писателями типа Руа и Бле.

Критики отмечали родство с Чеховым квебекского драматурга Марселя Дюбе. Повод к этому сопоставлению дала его пьеса "Время сирени" ("Le Temps des lilas", 1958). В 1950-1960-е гг., когда эта пьеса получила широкую известность, происходило возрождение квебекского (франкоязычного) театра, и в этих условиях состоялось несколько премьер чеховских пьес на квебекской сцене (об этом см. ниже). Вот что пишет о пьесе Дюбе квебекский режиссер Жан Гаскон, впервые поставивший ее в 1958 г.: «А все же, в пьесе "Время сирени" какая поэзия, какая чуткость! Думая об истории этих скромных людей, жаждущих простого, тихого счастья, мы бы, если бы игра в сравнения не была столь бесполезной, назвали имя Чехова»³.

Действие в пьесе происходит в Монреале в саду особняка, принадлежащего пожилой паре Бланш и Виржиль. Весна — сирень вот-вот зацветет. Жильцы, снимающие комнаты в доме, переживают разные перемены в своей жизни. Молодая, красивая, девственная Жоан оставлена ее ухажером, негодялем Ромео. Пара средних лет Орас и Маргерит собираются жениться, но без энтузиазма со стороны Ораса. Главное, все взбудоражены появлением нового жильца Венсена, художника-холостяка, напоминающего Бланш ее сына, который погиб во время войны. Чудаковатый Венсен комментирует события с легкой иронией. Он — своего рода Тригорин с кистью в руке, человек, выдавший виды. К нему приходит человек из его прошлого — очевидно, коммунист, который хочет вернуть Венсена к его былой борьбе за будущее человечества. Венсен, однако, предпочитает жизнь бродячего художника. Все кончается крушением надежд жильцов дома: Орас уезжает, предпочитая не жениться на Маргерит, которая кончает жизнь самоубийством... Венсен

“смыается”, боясь, что его прошлое будет обнаружено журналистами... Жоан, которая заменяла дочь Виржилю и Бланш, уезжает в город Квебек, чтобы ухаживать за своей больной матерью,... а пожилой паре предстоит уничтожение их дома, который будет снесен по приказу городского совета для расширения улицы.

В пьесе Дюбе Чехова напоминают не столько события, сколько отдельные образы и символика: тихий сад в шумном городе, который, подобно вишневому саду, станет жертвой “прогресса”, и мимолетное цветение сирени, сравниваемое автором с эфемерностью любви и надежды человека. Для Дюбе, как и для Чехова, любовь — далеко не счастливый момент в жизни человека. Так, Ромео появляется в конце пьесы в поисках Жоан, которая так хотела, чтобы он стал кем-то — но которая теперь уехала и, очевидно, обречена на такую же судьбу как и Маргерит, пожертвовавшая своими юными годами ради больной матери — параллель с судьбой Сони в “Дяде Ване” наглядна. Чеховским кажется также образ Венсена, страдающего героя, который искал счастье то в активной политической жизни (намеки на его прошлое “конспиратора”), то в искусстве, но вяло, и который снова уезжает, продолжая как бы бесконечно свою жизнь странника. Узнав о самоубийстве Маргерит, он жалуется: “Везде, где мне приходилось быть, я оставлял печать своего несчастья в чужих сердцах ...”⁴ Вопреки этому сходству, однако, пьеса Дюбе далеко не так содержательна, как чеховские, и остается незначительным, хотя очаровательным примером эпигонства.

Если стремление найти сходство между русской действительностью и канадской является характерной чертой высказываний квебекских писателей о русской литературе вообще, и в частности о Чехове, то англоязычные писатели, напротив, интересуются Чеховым не как русским, а как писателем, у которого можно учиться. Известный романист Морли Калахан называет Чехова, вместе с Толстым и Достоевским, кумиром своей юности, — как некоего “чемпиона литературы”, с которым каждый молодой писатель его поколения сравнивал свой талант. (Характерно здесь обращение к спорту как метафоре литературной деятельности.)

Испытывая влечение к Чехову как художнику, канадцы подчас тяготятся национальным содержанием его творчества. Тот факт, что Чехов — русский, представляет для них нечто вроде “шума”, мешающего полному его восприятию. Часто англоязычные критики жалуются, например, на качество переводов, в которых они вынуждены читать чеховские произведения.

Один из интереснейших документов в этом смысле — рецензия писателя Нормана Левина на “оксфордского Чехова”, то есть на переводы произведений Чехова Р.Хингли. Предваряя характеристику этого издания, Левин рассказывает о не совсем верном понимании Чехова, сложившемся у него в результате прежних переводов, осуществленных Констанс Гарнетт, и пародирует черты “типового” чеховского рассказа в ее интерпретации:

«Там была бы непременно русская склонность к ностальгии. Сколько из его рассказов начинаются примерно так: “Все это было шесть или семь лет тому назад, когда я жил в...” Потом он всегда ставит своих персонажей в определенный русский ландшафт: деревню, уездный город, или приморский курорт. Некоторые из его лучших персонажей имели склонность к лени. Женщины жаловались на скуку, или на то, что жизнь проходит и что ничего нового нет. Там <...> преподавательница спрашивает себя: “Почему Бог дает такую красоту, такую грациозность и такие печальные, прелестные глаза такому слабому, несчастливому, бесполезному народу — почему эти люди так

очаровательны?"^{1*}. Все это было бы рассказано тихо, нежно, с примесью печали»⁵.

Левин сознает, что его представление о Чехове оказалось ошибочным и что тот Чехов, с которым он познакомился в более поздних переводах Котельянского и Хингли⁶, — “жестче, энергичнее”. И все же он упрекает Чехова в сентиментальности (например, в описании одинокого тополя в “Степи” или в тоне его рассказов о животных), хотя и отмечает превосходные описания детей, семейной жизни, женщин. “Главная же сила его, — заключает Левин, — понимание людей, которые сознают, что они в тупике”.

ЧЕХОВСКИЕ СПЕКТАКЛИ В КАНАДЕ (АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ ТЕАТР)

Из всех драматургов мира Чехов занимает особое место в репертуаре канадского театра, особенно в последние десятилетия XX века. История канадского театра еще не написана, и только в последнее время специалисты начали внимательно ее изучать. Поэтому данные о постановке чеховских пьес могут быть неточными. Можно с уверенностью сказать, однако, что интерес канадцев к чеховским пьесам был вызван их постановками в Англии и в США⁷.

До Второй мировой войны из четырехактных пьес в Канаде шли только “Вишневый сад” и “Дядя Ваня”. Первую постановку “Вишневого сада” (и первую постановку чеховской пьесы вообще), осуществленную в Торонто в 1926 г. в любительском театре режиссером Бертрамом Форсайтом, критик Фред Джейкобс назвал “самой удачной постановкой, сделанной в любительском театре до сих пор”⁸. Анонимный критик газеты “Глоб энд мейл” так характеризовал пьесу, являющуюся новинкой для канадского зрителя:

“Течение жизни продолжает идти плавно, даже когда приближается катастрофа; человек принимает неизбежное <...> но без того, чтобы глубокие чувства волновались в человеческой груди, без выражения страстного бунта против судьбы — таков, кажется, урок четырехактной драмы Чехова <...> Пьеса совсем лишена всех элементов мелодрамы, отсюда и впечатление, произведенное на зрителя этим простым, неприукрашенным представлением жизни, как она есть, еще сильнее.

При нависающей катастрофе, все приятные домашние ритуалы продолжают совершаться; обычные происшествия вызывают обычный интерес: есть любовные интриги и типичные инциденты, связанные с ними <...> действующие лица продолжают свои ежедневные занятия, а приближающаяся беда устраивается, насколько можно, из сознания тех, которым суждено ее пережить. Во всей пьесе преобладает реализм, с большой примесью типично русского фатализма»⁹.

Канадская премьера “Дяди Вани” состоялась в ноябре 1938-го года в Студии Монреальского репертуарного театра. Эта постановка, осуществленная режиссером Сесилом Уэстом, удостоилась только короткого информационного абзаца в прессе¹⁰. В том же “экспериментальном” духе некоторые сцены из “Чайки” были представлены в Торонто в январе–феврале 1937 г. отделением драматического искусства Торонтской консерватории под руководством Флоренс Джонс. Три сцены из “Чайки” составили вторую половину театрального вечера, программа которого включала и чисто канадский репертуар.

^{1*} Ср. этот обратный перевод текста К.Гарнетт с фразой Чехова в рассказе “На подводе”: “И не понятно, думала она, — зачем красоту, эту приветливость, грустные, милые глаза Бог дает слабым, несчастным, бесполезным людям, зачем они так нравятся” (9, 338) — Ред.

Пожалуй, самым интересным аспектом театральной жизни в Канаде в 30-е годы была деятельность многочисленных любительских театров, так называемых “маленьких театров” (“little theatres”), и ежегодное соревнование этих театров, вначале на уровне провинциальных постановок, а потом в конкурсе самых лучших спектаклей на Театральном фестивале доминиона (ДДФ). По правилам ДДФ, в первые годы его существования к конкурсу допускались постановки лишь одноактных пьес. При таком спросе на одноактные пьесы неудивительно, что внимание актеров-любителей привлекли короткие произведения Чехова для театра. В спектаклях ДДФ “Медведь” был поставлен шесть раз с 1932 по 1940 год, причем в постановке виннипегского “Мастерс клаб” 1935 года Морей Синклер был премирован как лучший актер года. Еще популярнее было “Предложение”, которое в 1930-е годы было поставлено любительскими театрами не меньше десяти раз. “Лебединая песня” также шла впервые на ДДФ в 1938 г. в Виктории (Британская Колумбия), а “драматический этюд” “На большой дороге”, тоже впервые, был поставлен еврейским любительским театром в Виннипеге в 1937 г.

Итак, первые постановки чеховских пьес в Канаде были прямым следствием того большого подъема, который испытывал канадский любительский театр 20-х и 30-х годов. Путь к Чехову шел через Шоу и Ибсена, по сравнению с искусством которых ощущался живой интерес к новизне чеховского театра. Канадский театроред Глэдис Вуки в статье о русском театре в связи с гастролями МХАТ’а в Америке писала: “Есть огромная разница между реализмом пьес Чехова, которые составляют большую часть его (МХАТ’а. — Ред.) репертуара, и тем реализмом, который мы знаем у Ибсена и Гауптмана: бездна между Востоком и Западом, мистиком и предпринимателем, Чеховым и Шоу... Россия отвернулась от мистицизма и дала нам Станиславского и МХАТ — и реализм, который мы совсем пропустили”¹¹.

Следующий этап в развитии канадского театра (а также в проникновении чеховских пьес в его репертуар) — 40-е и 50-е годы. Несмотря на сравнительную неактивность театра в военное время, в эти годы были осуществлены несколько весьма значительных постановок. Такова канадская премьера “Трех сестер”, состоявшаяся в Торонто в 1943 г. Пьеса была поставлена гастролерами из нью-йоркского, точнее бродвейского Театра Барримора под руководством “первой дамы” американского театра (по словам одного из критиков), Кэтрин Корнелл, исполнявшей роль Маши. Тот же критик отозвался очень положительно как о выборе актеров, так и о постановке, осуществленной Гатри Мак-Клинтиком¹². Хотя в числе актеров находился один канадский актер, Александр Нокс, местная печать уделяла мало внимания спектаклю, который затмили волнующие новости с фронтов 2-й мировой войны¹³. В 1948 г. была осуществлена в театре “Харт Хаус” Торонтского университета первая полная постановка “Чайки” в Канаде (режиссер Роберт Гилл). Критик Е.Г.Уангер подчеркнул влияние “реалистического” театра Станиславского на мировую драму, т.е. для него, как и для Глэдис Вуки, пьесы Чехова и театральный метод Станиславского составляли определенное единство. О самой пьесе Уангер писал: “Такие пьесы населяют персонажи, которые, по словам Чехова, тянут свою жизнь за собой, как бесконечный шлейф”. Их трагедия состоит в медленном расточении существования, в беспомощности и безнадежности. В “Чайке” Чехову как-то удается уловить просторность русского ландшафта, меланхолию русской души и беспомощную жалость к себе людей, желающих жить в другом месте и быть кем-то другим”. Постановку же Уангер одобрил: “...при помощи мастерски созданных, правдоподобных декораций Роберт Гилл осуществил компетентную и умную постановку, которой недостает, однако, блеска, изобретательности и — больше всего — стиля”¹⁴.

ВИШНЕВЫЙ САД

Стратфорд, Онтарио, Стратфордский фестиваль, 1965

Постановка Дж.Хирша

Перевод Т.Гатри и Л.Кипниса

В 50-е годы чеховские пьесы стали ставиться чаще. В 1955 г. "Дядя Ваня" шел в Торонто на любительской сцене в "Харт Хаус"¹⁵, а через год американский режиссер Джек Ландау поставил "Трех сестер" в торонтском театре "Крест". Эта постановка была встречена с восторгом и критиками, и публикой, хотя она была подготовлена всего за две недели. О ней Герберт Уиттекер (он же поставил "Дядю Ваню") писал:

"Господин Ландау, который является и декоратором, и режиссером данной постановки, уловил почти все волнующие моменты, всю правдивость удивительного текста Чехова. Он также спас своих актеров от странной болезни "игры в русском стиле".

Тут есть и искры света, и тени. Тривиальное никогда не становится слишком значительным, а эмоции не тускнеют от ностальгии или безнадежности. Судьба сестер Прозоровых и их кружка нас трогает до слез, но в то же время мы ясно видим, как они нелепы — они нелепы <...> мы нелепы <...> это то же самое, так как эти далекие, давно исчезнувшие русские живут очень близко от нас.

У Чехова четыре действия, которые господин Ландау превращает в три, слияя первые два, что вполне логично, несмотря на то, что их разделяет полтора года. В первом действии сестры вспоминают с ностальгией о счастливых днях их жизни и жалуются, что они теперь живут в маленьком гарнизонном городе. Но у них остается достаточно счастья, чтобы мы его разделяли.

Утрата этого счастья — главная тема пьесы. Но не единственная. Персонажей мучит чувство потери времени, а также разочарование в планах и

встречах. Неужели нет причины этих потерь, неужели эти утраченные жизни ничего никогда не принесут для блага человечества?»¹⁶

Успех этой постановки, которая последовала прямо за представлениями “Гамлета” и “Пер Гюнта”, обеспечила Чехову место среди классиков мирового театра в канадском репертуаре: отныне он стал “канадским драматургом”. К сожалению, попытка Ландау повторить свой успех в постановке “Вишневого сада” 1958 года в театре “Крест” оказалась неудачной. Если первая рецензия, появившаяся в газете “Телеграм”, была не вполне отрицательной¹⁷, то два дня спустя в той же газете эта постановка подверглась остройшей критике Натана Коэна:

«Судя по его постановке, господин Ландау, действительно, не понимает “Вишневый сад” <...> Эта пьеса, теплая, но полная ясновидящего сожаления, которую следовало бы поставить как весело-торжественный танец, обернулась напыщенным шествием, не ведущим к определенной цели.

Несмотря на то, что его персонажи страдают от меланхолии и интроспекции, что они неспособны преодолеть свои проблемы, что они готовы уянуть в эмоциональном плане, сам Чехов — жизнерадостный драматург; он глубоко сочувствует людям, которых описывает, повествуя об их недостатках с состраданием (но без романтических преувеличений) и показывая трогательным, иногда даже блестящим образом, пошлость их провинциального обихода и ожиданий. Его персонажи, кажется, ведут тихое, неинтересное существование. На самом деле, это только кажется, что в их жизни ничего не происходит. Вслушайтесь в их разговоры, какими неуместными они ни казались бы, понаблюдайте за их поведением, каким бы оно ни было тривиальным, — и иллюзия их инертности скоро исчезнет. Они поглощены серьезными делами»¹⁸.

Другой критик, Герберт Уиттекер, отозвался также отрицательно о данной постановке¹⁹. Это не помешало, однако, тому же самому театру “Крест” поставить “Чайку” в 1960 г. (постановка Ройстона Морли). Этот спектакль восстановил репутацию театра в трактовке русской драматургии. Так, критик Мэворт Мор отметил понимание Чехова режиссером и актерами²⁰.

Другая постановка “Вишневого сада”, осуществленная английским режиссером Денисом Кэри и труппой “Канадиен плейерс” в 1959 г., была встречена таким же неодобрением критики. По всей вероятности, выбор чеховской пьесы представлял трудности даже для опытного режиссера.

В конце 50-х — начале 60-х годов возрастающему интересу к Чехову в англоязычной Канаде способствовал целый ряд постановок его пьес телевизионной компанией “Си-Би-Си” (“Радио-Канада”). Так, в феврале 1959 года канадским телевидением была поставлена инсценировка рассказа “Палата № 6” в режиссуре Харви Харта в серии “Фолио”. Историк канадского телевидения Мэри Джейн Миллер пишет о “великолепной” игре Джека Клугмана, который играл больного Громова, и Мэвора Мора, исполнявшего роль врача (Рагина). Следующим образом она пишет о возможностях, которые давали декорации Руди Дорна: “...персонажи мелькали вдали, в тени, под кроватями или же за дверьми <...> создавалась игра света и тени, которая как бы усиливалась впечатление, что границы между сумасшествием и здравым умом зыбки”²¹.

12 мая того же года состоялась канадская премьера “Иванова” по англоязычному телевидению “Си-Би-Си” в той же серии (“Фолио”); за этими спектаклями последовали “Три сестры” (13 февраля 1961 года в “Фестивальной серии” “Си-Би-Си”) и “Дядя Ваня” (26 февраля 1964 года в той же серии).

60-е и 70-е годы оказались эпохой самой широкой популярности чеховских пьес в Канаде. Как уже отмечалось, проникновение чеховских пьес в репертуар канадского театра тесно связано с развитием независимой театральной жизни. В эти десятилетия канадский театр испытал большой подъем, и, пожалуй, лишь с этого времени можно говорить с самостоятельном профессиональном театре как в англоязычной Канаде, так и в Квебеке. Самым важным явлением этих десятилетий следует считать Стратфордский фестиваль. Это летний театральный фестиваль в городе Стратфорде (провинция Онтарио), где ставят пьесы как Шекспира, так и других классиков мирового театра.

В Стратфорде были осуществлены пять постановок чеховских пьес на английском языке, из которых одна — “Чайка” — была поставлена два раза. Первая стратфордская постановка чеховской пьесы — “Вишневый сад” — состоялась в 1965 г. Поставил эту пьесу Джон Хирш, талантливый канадский режиссер, работавший в Виннипеге и ставший в 1980 г. директором фестиваля. Оригинальность постановке придавало подчеркивание комедийных аспектов пьесы. Режиссер пытался порвать с традиционной интерпретацией, восходящей к Станиславскому. Может быть, именно поэтому подход Хирша решительно не понравился критику Натану Коэну, который писал: “Ошибка Хирша состоит в том, что он буквально и безоговорочно поверил ереси о том, что Чехов писал комедии (что в понимании Хирша значит фарсы. — Д.К.); он так энергично преследует эту идею, что все остальное стирается по пути”²².

Однако в другой, более поздней, статье Коэн признал, что “Вишневый сад” Хирша оказался самой популярной постановкой сезона (98 процентов билетов распроданы)²³. Другие рецензенты почти единогласно приветствовали новаторство Хирша, считая его спектакль лучшим в 1965 году. Отмечая сложность приспособления пьесы такого типа к экспериментальной стратфордской сцене без занавесей и с выдвинутым просцениумом, рецензент газеты “Телегрэм” считал, что Хирш “добился эффекта, похожего на остранение у Брехта, позволяющего нам наблюдать этих удивительных персонажей с глубоким интересом, но почти без эмоционального участия”, и заключил, что “Вишневый сад” Хирша придал Стратфордскому фестивалю “современное” направление²⁴.

В интервью с Гербертом Уиттекером Хирш говорил о тщательности своего метода: «Я знаю даже, какими духами должны пользоваться персонажи “Вишневого сада”». Он уподобил пьесу творениям Шекспира по поэтичности, но добавил, что она “так же многозначна, она соткана из встреч и поэтому из расставаний тоже”. О своей привязанности к Чехову Хирш заметил: “Чехов понимает все. Из всех писателей мира я бы хотел больше всего посидеть и побеседовать с этим русским врачом”²⁵.

Работа Хирша проложила дорогу для дальнейших постановок Чехова в Стратфорде. Так, в 1968 г. Жан Гаскон поставил “Чайку” (на английском языке). Роль Тригорина исполнял известный канадский актер Уильям Хатт, Аркадину играла Дениза Пельтье, а Нину — Луиза Марло. Рецензенты отметили статичность этой постановки²⁶.

Спектакль был принят публикой более холодно, чем “Вишневый сад”. Однако критики единогласно говорили о гениальности самой пьесы, которая чувствовалась именно в медлительности действия. Урджо Кареда, который сам позднее стал режиссером Чехова в Стратфорде, подчеркивал значение Чехова в развитии драматургии XX века, в частности, в таком явлении, как “театр абсурда”: “Нельзя отрицать главенствующей роли Чехова в развитии современной драмы. Его чрезвычайно тонкая и значительная трагикомедийная техника создала положения, которые повторялись в пьесах с совсем дру-

ЧАИКА

Стратфорд, Онтарио, Стратфордский фестиваль,
1980

Постановка Р Филлипса и У Кареды

Перевод Дж Маррела

Тригорин — Б Бедфорд, Аркадина — М Смит

Фото Р К Регсдейла

ДЯДЯ ВАНЯ

Стратфорд, Онтарио, Стратфордский фестиваль,
1978

Постановка Р Филлипса и У Кареды

Перевод Дж Маррела Слева Мария Войницкая —
М Савидж, Вафля — М Блейк, Астров — Б Бед-
форд, Соня — М Мараден, Войницкий — В Хатт

Фото Р К Регсдейла

гими эффектами у многих из выдающихся современных драматургов, в том числе Ионеско, Беккета и Пинтера”²⁷.

В своей стратфордской постановке “Трех сестер” 1976 года Джон Хирш, по словам одного рецензента, “затмил все другие постановки года” (их было десять)²⁸. Критики единодушно хвалили и постановку, и игру английской актрисы Мэгги Смит, исполнявшей роль Маши. Об ее игре Джон Фрэзер писал, что она “проникнута сдержанной чувственностью” и находил “чредование хрупкости и гениальной комичности” в ее игре “завораживающим”²⁹. В этой постановке Хатт играл Чебутыкина. Рецензент Лиан Хеллер писала о “сверхчеловеческом контакте, существующем между актерами и режиссером Джоном Хиршем, между Хиршем и Чеховым, между актерами и Чеховым и, в конечном итоге, между Чеховым и зрителем”³⁰. Этой постановкой Хирш показал, что он является одним из самых выдающихся интерпретаторов Чехова в англоязычном театре, что Чехов заслуживает места рядом с Шекспиром, Мольером и Шоу в репертуаре канадских театров.

Это мнение подтвердилось и следующей постановкой Чехова в Стратфорде: “Дядя Ваня” (1978). Пьеса была поставлена Урджо Каредой и Робином Филлипсом в новой версии канадского драматурга Джона Маррелла³¹. Критики единодушно одобрили спектакль, который Брайан Джонсон находил “остроумной, превосходно сыгранной и глубоко продуманной постановкой трагикомического шедевра Чехова” и выделил игру Хатта, исполняющего роль Войницкого. “В 53 года Хатт стал гораздо более дисципнированным актером, чем когда-либо”, — писал он, одобряя “смесь комической раздражительности и взрывчатой разочарованности в его игре”³². Неоднократно подчеркивалось сочетание юмора и патетики в постановке, хотя один из критиков находил в спектакле “странные противоречия”³³.

Те же режиссеры (Кареда и Филлипс) поставили “Чайку” в Стратфорде в 1980 г. — опять в новом переводе Джона Маррелла. Аркадину играла Мэгги Смит, а Тригорина — Брайан Бедфорд — оба с большим успехом³⁴. Дорна играл Хатт, а Нину — Роберта Максвелл, — исполнение, которое, по словам критика Джейми Портмана, “остается наиболее прочно в памяти”. Спектакль дал повод критику Портману утверждать, что “уже за 60 лет до современного драматурга Гарольда Пинтера, Чехов писал о разрыве в общении между людьми. Здесь мы видим деревенскую усадьбу (так тонко показанную в этой постановке прекрасными декорациями Дафны Дер, населенную людьми, которые знают друг друга уже годами)”. Реалистический характер постановки, считает критик, сказался в создании некоего равновесия между этой “семейностью” героев с “оцепенелым непониманием персонажами реальных нужд и интересов других”³⁵.

Чеховская традиция в Стратфорде была обновлена еще один раз в 80-е годы постановкой “Вишневого сада” в новом переводе английского драматурга Тревора Гриффита и с декорациями английского художника Ульца. Если торонтский критик Конлог считал постановку не вполне удавшейся, то его коллегам Портману и Кру она, наоборот, показалась лучшей постановкой года: опять, как в более ранние годы, Чехов “спас” стратфордский сезон!³⁶ Были отмечены, в частности, “продуманность” постановки и небычайные декорации, “создающие постоянное настроение растерянности и запустения” (Портман).

Популярность чеховских пьес в Стратфорде в 1960-е и 1970-е годы соответствовала широкому интересу к Чехову, проявившемуся во многочисленных постановках англоязычных театров (часто при университетах) как в Торонто, так и в Виннипеге, Эдмонтоне, Галифаксе, Ванкувере и других городах³⁷. Однако, попытка другого театрального фестиваля в Южном Онта-

ЧАЙКА

Стратфорд, Онтарио, Стратфордский фестиваль, 1968

Постановка. Ж.Гаскона

Нина — Л.Марло

рио — Шоу-Фестиваля в городе Ниагара-он-зэ-Лэйк — ввести Чехова в свой репертуар оказалась неудачной; постановка “Вишневого сада” режиссером Радой Пенчулеску подверглась остройшей критике в торонтской печати — с тех пор Чехов в рамках Шоу-Фестиваля не ставился³⁸. В этот период впервые в Канаде шли пьесы “Платонов”³⁹, “Иванов”⁴⁰, “Леший”⁴¹.

Одноактные пьесы Чехова в Канаде часто составляют содержание “чеховского вечера” — например, в городе Норт-Бей (1977). Среди инсценировок чеховских рассказов заметным явлением была упомянутая “Палата № 6” и композиция “Добрый доктор” (Калгари, 1977; премьера спектакля состоялась в США, в Театре Юджина О’Нила, Нью-Йорк, — 27 ноября 1973 г.). Автор композиции “Добрый доктор” американский драматург Нил Саймон ввел в нее переработанные им эпизоды из рассказов “Смерть чиновника”, “Хирургия” и др.

ТРИ СЕСТРЫ

Монреаль, Театр Ридо Вер, 1966

Постановка И.М. Раевского

Ольга — Э.Лаузель, Маша — И.Брен д'Амур, Ирина — Н.Нобер

ЧЕХОВСКИЕ СПЕКТАКЛИ ВО ФРАНКОЯЗЫЧНОМ ТЕАТРЕ

В 50-е годы пьесы Чехова впервые появились и в репертуаре квебекского театра. Толчком к этому послужили, видимо, показ "Медведя" (21 сентября 1952), "Лебединой песни" (4 января 1953), "Дяди Вани" (11 декабря 1958) и "Вишневого сада" (19 октября 1961) по франкоязычному телевидению "Радио-Канада". Позже были переданы также отрывки из "Чайки", "Дяди Вани" и "Дамы с собачкой" в одном спектакле "Славные воскресенья" ("Les Beaux Dimanches", ноябрь, 1975) и композиция Г.Ару "Это странное животное" ("Cet Animal étrange"), по мотивам рассказов Чехова (19 февраля 1967 — см. о нем ниже). Во франкоязычной Канаде, как и в англоязычной, телевидение служило катализатором для освоения Чехова театрами — то есть, как это часто бывает в Канаде, государственный орган (Си-Би-Си) сыграл роль мецената в развитии театральной культуры.

Всю историю чеховских пьес во франкоязычной Канаде была постановка "Чайки" Жаном Гасконом в Театре дю нуво монд (Монреаль) в 1955 г. Из французских текстов пьесы Гаскон выбрал адаптацию Жоржа и Людмилы Питоевых. Критик Пьер де Гранпре отметил смелость выбора (до этого Чехов никогда не был представлен в канадском театре).

именно “Чайки”, пьесы, по мнению де Гранпре, гораздо более трудной для понимания квебекской публики, чем “Три сестры” или “Вишневый сад”. В частности, де Гранпре хвалил игру Дин Муссо в роли Нины и Жана Гаскона — Тригорина. Успех данной постановки во многом способствовал развитию как этого нового театра (сыгравшего впоследствии важную роль в культурном возрождении Квебека), так и режиссерской судьбы Гаскона, которого пригласили в 1966 г. поставить ту же пьесу на английском языке в Стратфорде (см. выше, с. 788).

Заметки де Гранпре о Чехове подтверждают мнение о сходстве склада ума русских и квебекцев:

«Во франкоязычной Канаде всегда будет интересно читать дореволюционную русскую литературу. Меня всегда поражало загадочное сходство между психологическими проблемами, которые волновали русских, и нашими. Даже русский народ, как его описывают, имеет некоторые черты, напоминающие мне способ мышления франкоязычной Канады. Это начинается в романе “Дым”, в котором Тургенев показывает своих соотечественников как непоправимо прихотливых мечтателей, вечно гадающих о своей судьбе. Если на Западе Чехов интересен главным образом своим новаторством в области драматической формы, то русских всегда поражала прежде всего правдивость его изображения их самих. <...> Как хороший реалист, как Тригорин, добросовестно заполняющий свои записные книжки наблюдениями, он старался определить легкими и уверенными штрихами русского человека своего времени. Портрет этого безвольного, неуверенного человека, раздиаемого, с одной стороны, неясными, восторженными стремлениями, и, с другой стороны, внезапным упадком духа, чувством абсолютной пустоты, Чехов пишет и переписывает без устали, крича в каком-то неистовстве своим землякам: “Вот мы какие! Мы понимаем, что надо двигаться, но не движемся, мы встревожены, неспокойны, мы страдаем от чувства грандиозного призыва приносить пользу человечеству, но никогда никто у нас не делает шага вперед. Разве так можно продолжать?”⁴²

За последние десятилетия квебекцы видели несколько значительных постановок Чехова, хотя Чехов далеко не так популярен на франкоязычной сцене, как на англоязычной⁴³. Важным событием в истории Чехова в Квебеке можно считать постановку “Трех сестер” советским режиссером И.М.Раевским в “Театре Ридо Вер” (1966). Рецензент, скрывшийся за подписью Ж.М., отметил быстрый темп игры и легкую, почти веселую тональность постановки, совсем не в духе штампов западных интерпретаций чеховской драмы, подчеркивающих в ней грустные мотивы. Вместе с тем рецензент считал этот эксперимент не вполне удачным, несмотря на участие некоторых самых крупных актрис Квебека (Ивett Брэнд’Амур, Элен Луазель, Натали Нобер). Причину неудачи он видит в неумении большинства актеров подчиниться руководству постановщика: “Метод Станиславского не ассимилируется в несколько недель, даже в несколько месяцев, и мне кажется, что он стеснял некоторых актеров”⁴⁴.

В 60–70-е годы шли на квебекской сцене примерно девятнадцать чеховских спектаклей. Интересная тенденция у франкоязычных постановщиков — склонность к переработкам авторского текста. Например, “Три сестры” были представлены режиссером Жан-Дени Ледюком в адаптации Робера Лялонда с французскими именами и в квебекской обстановке (Театр де ля манюфактур в помещении театра “Сантор”, Монреаль, 1977). Эта “трансплантация” Ирины, Маши и Ольги (Изабель, Жизель и Анжель) в квебекском городке Валь д’Ор, судя по газетной рецензии, была удачной⁴⁵, что подтверждает еще раз

мнение о сходстве жизни в Квебеке и в провинциальной России чеховских времен.

К другим видам переработки чеховских сюжетов относятся “Яблоки для Евы” (“Des Pommes pour Eve”) и “Это странное животное” (“Cet Animal étrange”) французского писателя Габриеля Ару (Gabriel Arout, наст. фамилия Арутчев). Композиция “Яблоки для Евы” (премьера которой состоялась во Франции в 1969 г.) включала в себя отрывки из ранних рассказов (“За яблочки”, “Полинька”, “Анюта”, “Свидание хотя и состоялось, но...” и др.) и повести “Живой товар”. Тема спектакля, в соответствии с заглавием, — женщина в отношениях с мужчиной. В Канаде спектакль шел впервые в 1978 г. на французском и английском языках⁴⁶.

В сценической композиции “Это странное животное” использованы тексты рассказов разных лет: “Разговор человека с собакой”, “Загадочная натура”, “Хористка”, “Лошадиная фамилия”, “Смерть чиновника”, “Иван Матвеич”, “Произведение искусства”, “Дама с собачкой” и др. (премьера состоялась во Франции в 1964 г.). В Канаде эта композиция ставилась на телевидении “Радио-Канада” (19 февраля 1967 г.) и в разных театрах в 1969, 1979 гг.⁴⁷

В 80-е годы квебекцы продолжали интересоваться Чеховым. Так, в сезоне 1982–1983 гг. “Дядя Ваня” был поставлен в театрах Квебека не меньше пяти раз⁴⁸. Особый интерес представляет постановка этой пьесы в переводе выдающегося квебекского драматурга Мишеля Трамбле⁴⁹. Спектакль был поставлен в Монреале и в Оттаве в 1983 г. Андре Брассаром⁵⁰. Несмотря на высокий профессионализм ансамбля и на то, что Серебрякова в этой постановке играл ветеран чеховских постановок Жан Гаскон, критик Пьер Лавуа был разочарован интерпретацией пьесы: “В соответствии с тяжелыми и темными декорациями, занимающими всю сцену и закрывающими все выходы (что противоречит чувству надежды в пьесе!), здесь все одинаково накрахмалено — и костюмы, и эмоции. Никогда я не видел такой холодной и гротескной любовной сцены, как та, которая происходит между Астровым и Еленой в третьем акте”⁵¹.

Вторая профессиональная постановка “Дяди Вани” 1983-го года была осуществлена режиссером Александром Хаусфатером в Театре дю буа де Кулонж (Монреаль). Эту инсценировку Лавуа характеризовал как “честную, эффективную, традиционную”. По словам Хаусфатера, Чехов “стремился показать весь абсурд в жизни людей”. “Чтобы конкретно выразить этот абсурд, Хаусфатер задался идеей включить в декорации металлические опоры мостов. В программе постановщик сообщает, что в конце XIX века огромная кампания постройки мостов была осуществлена немецкими инженерами, чтобы отметить вступление российской империи в XX век. Эти мосты, бесполезные и неиспользованные, служили для прогулок крестьян после воскресной обедни”⁵².

Как о последней “вехе” в усвоении Чехова квебекским театром следует упомянуть спектакль “Чехов — Чехова”, поставленный в 1987 г. и привлекший внимание франкоязычной публики Монреяля. Это инсценировка переписки Чехова с О.Книппер-Чеховой, которая была поставлена Ивом Деганье в “Кафе де ля пляс” по тексту Франсуа Ноше⁵³.

Краткий обзор истории Чехова в канадском театре отражает сложность и многогранность культурного развития канадского общества. Статистика раскрывает лишь часть картины: самая популярная из четырехактных пьес — “Чайка” (двадцать постановок из которых три по французскому языку) —

Ваня" (пятнадцать спектаклей, из которых один по-французски), "Три сестры" (из четырнадцати — три по-французски) и "Вишневый сад" (из десяти — два по-французски). Тем не менее именно "Вишневый сад" был своего рода "пробным камнем" для канадских режиссеров. Он был поставлен, как было сказано, первым из всех чеховских пьес на канадской сцене. Одним из самых значительных чеховских спектаклей в Канаде до сих пор является тоже "Вишневый сад" — в постановке Дж. Хирша, сыгравшей важную роль в истории Стратфордского фестиваля, а также в истории постановок русских авторов на канадской сцене.

Из одноактных пьес наиболее популярными были "Медведь" (двадцать пять постановок) и "Предложение" (двадцать четыре). Чеховские пьесы вполне утвердились в современном репертуаре Канады⁵⁴.

Итак, театральные интерпретации Чехова в Канаде прошли в своем развитии два этапа. Если в первые годы Чехов рассматривался преимущественно как представитель реалистического театра Станиславского и расценивался чаще всего как "старомодный" драматург, то начиная с 60-х годов, режиссеры и критики стали видеть в нем предшественника современного театра Брехта, Беккета, Пиранделло и др.

ЧЕХОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ КАНАДСКИХ ФИЛОЛОГОВ

В научных изданиях Канады было опубликовано около тринадцати статей Чехове, главным образом сопоставительного характера (например, "Чехов Мопассан") или же историографического ("Чехов в советском литературоведении", "Чехов в критике З. Гиппиус"), причем многие из этих статей были написаны американскими или французскими русистами и лишь случайно опубликованы в канадских журналах. С другой стороны, следует учесть, что канадские ученые часто публикуют свои исследования за границей. В общей сложности однако, количество публикаций о Чехове очень невелико, 100-летие и 12 летие со дня рождения писателя (1960 и 1980) в Канаде не были отмечены. Это неудивительно, поскольку канадские слависты лишь в последнее время стали отмечать подобные события русской культуры (толстовский симпозиум в Виктории в 1979 г., тургеневский — в Калгари в 1983 г.).

В канадских университетах на чеховские темы были защищены три докторских диссертации⁵⁵. В канадских университетах также было написано несколько диссертаций на соискание магистерской степени⁵⁶.

ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЧЕХОВА В КАНАДЕ

Канадский читатель Чехова обычно пользуется британскими, французскими или американскими изданиями его произведений, если он их читает переводе, или же советскими изданиями, если читает по-русски. В последнее время появилось, однако, три очень интересных издания Чехова, вышедшие в Канаде. Оба вызваны популярностью Чехова на канадской сцене.

Первое издание — перевод "Дяди Вани" на английский язык, сделанный канадским драматургом Джоном Марреллом для стратфордской постановки 1978 года⁵⁷. Перевод Маррелла восполнил недостаток в хорошем "театральном" тексте пьесы, который не был бы слишком "книжным" и не вызвал негодования канадских критиков обилием выражений, типичных лишь для британского варианта английского языка. Попытка Маррелла написать "Дядю Ваню" с канадским "акцентом" оказалась удачной. Язык перевода лишен

уклюжих выражений и фраз, и, хотя переводчик иногда позволяет себе перифразировать отдельные реплики, естественностью речи он значительно больше выигрывает, чем теряет: его текст в высшей степени театрален.

Перевод “Чайки”, сделанный другим канадским драматургом — Дэвидом Френчесом, — выдержан в таком же свободном стиле. Этот перевод был опубликован впервые в серии стереотипных текстов большого формата торонского “Кооператива драматургов” и впоследствии переиздан с примечаниями Донны Орвин⁵⁸. Третий перевод — адаптация “Дяди Вани” на французском языке драматургом Мишелем Трамбле и переводчицей Ким Ярошевской⁵⁹ — интересен попыткой передать язык простых людей (например, няни) квебекским диалектом соответствующего сословия. В этом отношении он резко отличается от французских переводов, традиционно употреблявшихся в постановках Чехова в Квебеке (например, переводов Эльзы Триоле — см. наст. том, кн. 1, с. 13, 14).

Что касается чеховской прозы, она практически не переводится в Канаде. Потребность канадских читателей в знакомстве с рассказами и повестями Чехова удовлетворяется переводами, опубликованными в Англии, США или во Франции. Появление все новых переводов и адаптаций чеховских пьес связано, в основном, с тем, что старые часто не удовлетворяют постановщиков, приступающих к работе над их сценическим воплощением. Так же, впрочем, поступают ирландские и австралийские переводчики: они не обращаются к прозе Чехова, а переводят, в основном по требованию театра, пьесы.

ПРИМЕЧАНИЯ

Исследования, лежащие в основе настоящей статьи, были проведены в Канаде в 80-е годы. Данные о Чехове в Канаде, в частности, о постановках чеховских пьес на канадских сценах, кончаются 1987-м годом. См. также статью того же автора *Chekhov Then and Now: The Reception of Chekhov in World Culture* N Y , 1997 P 151–172

¹ Blais M -C (Интервью) // *Lettres Québécoises*, 16 (Hiver 1979–80) P 54

² Roy G Mon Heritage du Manitoba // *Mosaic* 3/3 (Spring 1970) P 70–71

³ Gascon J Le phenomene Marcel Dube // *Les vingt-cinq ans du triumph* 2 Ottawa, 1977

P 169

⁴ Dubé M *Le Temps des lilas* Montréal, 1969 P 165

⁵ Levine N A Racy Chekhov // *The Atlantic Advocate*, 56 (January 1966) P 71

⁶ Об этих переводах см. наст. том Кн 1 С 375–376, 394–398

⁷ См., напр., рецензию на английскую постановку “Трех сестер” Дж. Гилгуда в журнале “Canadian Content” — VII, 24 (April 1938)

⁸ Canadian Forum, VI, 70 (July 1926) P 321 Еще две постановки “Вишневого сада” были запланированы в Виннипеге (в конце 1930 г.) и в Монреале (1933–1934), но были ли они осуществлены, неизвестно. См. *Montreal Star* 1933 26 August, *Canadian Forum*, XI, 123 (December 1930) P 119

⁹ Tchekov’s “Cherry Orchard” Well Given at Eaton School // *Globe and Mail* 1926 May 20

P 12

¹⁰ Рец. *Montreal Star* 1938 November 9

¹¹ Wookey G What We Owe the Russian Theatre // *Canadian Forum*, IV, 42 (March 1924)

P 177 180

¹² Nichols L The Three Sisters // *The New York Times* 1942 December 27

¹³ См. *Globe and Mail* 1943 April 17, 23

¹⁴ *Globe and Mail* 1948 November 29

¹⁵ Постановка Клуба бывших студенток Торонтского университета, режиссер Герберт Уиттекер. Спектакль получил несколько премий и был принят в ДДФ. См. *DDF Newsletter* № 20 (1955 Jan /Feb) P 9, № 21 (1955 March/April) P 5

¹⁶ Wittaker H <Ред> // *Globe and Mail* 1956 October 24 P 23 См. также *Globe and Mail*, 1956 October 27, 31

¹⁷ MacDonald R There’s Life In This Orchard // *The Telegram* (Toronto). 1958 Thursday, January 30

¹⁸ См Cohen N Mr Landau Directs This Play But He Doesn't Know What It's All About! // The Telegram (Toronto) 1958 February 1

¹⁹ Whittaker H Crest Faces Problems with Cherry Orchard // Globe and Mail 1958 January 30

²⁰ Moore M A Fine Production // The Telegram (Toronto) 1960 April 2 См также рец Whittaker H "The Seagull" Falters Only In Tempo // Globe and Mail 1960 April 2, Derry A "Seagull" Ends In High Drama But Slow To Get Off Ground // Toronto Star 1960 April 2

²¹ Miller M J Turn Up The Contrast CBC Television Drama since 1952 Vancouver, 1987

P 216 217

²² Cohen N Chopped Up "Orchard" // Toronto Star 1965 July 27

²³ См Toronto Star 1965 October 2

²⁴ "Cherry Orchard" is Stratford's Best Production // The Telegram (Toronto) 1965 July 27

²⁵ Whittaker H Hirsch's Plum in the orchard // Globe and Mail 1965 July 10

²⁶ См , например, отзыв Уиттекера Whittaker H Chekhov genius shines in Stratford "Seagull" // Globe and Mail 1968 July 29

²⁷ Kareda U "Seagull" too long, seldom overwhelming // Toronto Star 1968 July 24

²⁸ См Mallet G "Three Sisters" hums with emotion in a superb Stratford Production // Toronto Star 1976 September 2

²⁹ Fraser J "Three Sisters" a carefully crafted masterpiece // Globe and Mail 1976 September 2

³⁰ Heller L Stunning opening of "Three Sisters" offers laughs, tears // Kitchener-Waterloo Record 1976 September 2

³¹ О переводе см ниже, в разделе "Издания произведений Чехова в Канаде" (с 794-795)

³² Johnson B "Uncle Vanya" scores, the festival triumphs // Globe and Mail 1978 June 8

³³ Mallet G "Uncle Vanya" lifts the festival's spirits // Toronto Star 1978 June 8 См также рец Ashley A M "Uncle Vanya" has them in the aisles // The Citizen, Ottawa June 8, 1978, Galloway M Vanya bored but not boring // Montreal Star 1978 June 8, Wyman M Theatre to make the heart glad // Vancouver Sun 1978 June 9

³⁴ См рец Conlogue R Stellar cast helps "Seagull" take off // Globe and Mail August 9, 1980, Czarnecki M Politics and plays vie for limelight // Maclean's 1980 August 25 P 51

³⁵ Portman J Chekhov's 'Seagull' Stunning // The Gazette, Montreal 1980 August 13 См также рец Mallet G "Seagull" flies with compelling force // Toronto Star 1980 August 9

³⁶ Crew R Chekhov's poetic "Cherry Orchard" Stratford's best // Toronto Star 1987 June 8, Portman J Nuance is crucial in simple story // Calgary Herald 1987 June 9

³⁷ Наиболее знаменательные постановки на английском языке (до конца 1987 года)

'Чайка' Crest Theatre, Торонто, 1960, Muddy York Theatre, Торонто, 1964, Playhouse Theatre, Ванкувер, 1965, University College Players' Guild, Торонто, 1970, University of Western Ontario, 1970, Summer Centre Theatre, Glenn Morris Theatre, Торонто, 1973, Bishop's University, 1973, Theatre Calgary, Калгари, 1974, West Coast Actors' Society, Ванкувер, 1974, Tarragon Theatre, 1977, Dalhousie University, 1978, Banff School of Fine Arts Players, Банфф, 1978, Montreal Theatre Lab, Монреаль, 1979, Neptune Theatre, Галифакс, 1979, Globe Theatre, Саскачеван, 1979, Manitoba Theatre Centre, Виннипег, 1980, Vancouver Playhouse Theatre, Ванкувер, 1980, Theatre 5, Кингстон, 1981, Manitoba Theatre Centre, Виннипег, 1981, Autumn Angel, Торонто, 1984

'Дядя Ваня' Carleton University, Оттава, 1958, Neptune Theatre, Галифакс, 1965, Belmont Productions at Hydro Theatre, Торонто, 1967, Centaur Theatre, Монреаль, 1971, University of Saskatchewan, Реджина, 1971, Citadel Theatre, Эдмонтон, 1975, Arts Club Theatre, Ванкувер, 1975, Theatre Plus, Торонто, 1976, University of Alberta, Эдмонтон, 1977, Royal Alexandra Theatre, Торонто, 1978, Globe Theatre, Реджина, 1978, Tarragon Theatre, Торонто, 1985, Theatre Calgary, Калгари, 1986

'Три сестры' Theatre Club, Монреаль, 1960, Hart House Theatre, University of Toronto, Торонто, 1963, Manitoba Theatre Centre, Виннипег, 1968, National Theatre School of Canada, Монреаль, 1968, University of British Columbia, Ванкувер, 1971, St Lawrence Centre, Торонто, 1972, University of Waterloo, Ватерлоо, 1973, Bishop's University, 1974, Globe Theatre, Реджина, 1975, Brock University, Сент-Катаринс, 1978, Ryerson Studio Theatre, Торонто, 1980, Toronto Free Theatre, Торонто, 1982, Dalhousie Arts Centre, Галифакс, 1986

'Вишневый сад' University of Alberta, Эдмонтон, 1952, London Little Theatre, Лондон, 1955, Crest Theatre, Торонто, 1958, University of Calgary, Калгари, 1968, University of Alberta, Эдмонтон, 1970, Manitoba Theatre Centre, Виннипег, 1974, Hart House Theatre, University of Toronto, Торонто, 1977, West Coast Actors' Society, Ванкувер, 1977, Shaw Festival, Ниагара, 1980

(Источники DDF Newsletter, Theatre in Canada, Canadian Theatre Review Yearbook, опрос заведующих кафедрами театра канадских университетов)

³⁸ См рецензии Conlogue R "Cherry Orchard" never bears fruit // Globe and Mail 1980 June 2, Mallet G "Cherry Orchard" collapses // Toronto Star 1980 May 30

³⁹ Театр "Коуч-хаус", Торонто, 1966 Пьеса была поставлена под названием "Деревенский скандал" ("A Country Scandal") См рецензии Globe and Mail 1966 March 21, Toronto Star 1966 March 23

⁴⁰ Центр О'Кифа, Торонто, 1966; см. рецензию: *Globe and Mail*. March 29, 1966. Второй раз "Иванов" был поставлен в Монреале кафедрой драматического искусства Доусонского колледжа в 1980 г.; см. рец.: "Ivanov" drama balanced by deep Chekhov humor // *The Gazette*, Montreal. 1980. May 8.

⁴¹ National Arts Centre, Оттава, 1983. См. рец.: "Wood Demon" just a poor relation // *Globe and Mail*, 1983. March 2. Рецензент характеризует "Лешего" как "неуклюжую, неясную, плохую пьесу".

⁴² *Le Devoir*, 1955. 12 Novembre.

⁴³ Наиболее значительные постановки на французском языке в 1960–1980-е гг.: "Чайка", *La Nouvelle Compagnie Théâtrale*, Монреаль, 1968; "Вишневый сад," *Théâtre du Rideau Vert*, Монреаль, 1970; "Чайка", *Théâtre du Trident*, Квебек, 1977; "Чайка", *Centre National des Arts*, Оттава, 1978; "Три сестры", *L'Atelier Théâtral de Louvain-la-Neuve de Belgique* (гастроли), *Centre National des Arts*, Оттава, 1980; "Юбилей", *Le Cercle Molière*, Сен-Бонифас, Манитоаá, 1981; "Чайка", *Théâtre du Rideau Vert*, Монреаль, 1982; "Дядя Ваня", *Théâtre du Rideau Vert*, Монреаль, 1983; "Чайка", *Théâtre populaire du Québec*, *Centaur Theatre*, Монреаль, 1987.

⁴⁴ *M.G. Tchekhov à la russe* // *La Presse*, 19 avril, 1966; см. также рец.: *Globe and Mail*, 1966. April 16.

⁴⁵ *Goulin A. L'émouvante complainte des trois sœurs* // *Le Devoir*. 1977. 13 janvier.

⁴⁶ Любопытный пример двуязычной постановки (премьера французского варианта состоялась 3-го октября, а английского — 17-го; режиссер Jeanine Beaubien, и актеры, очевидно, тоже) в театре "La Poudrière" (Монреальский международный театр). См.: *Canada on Stage*. 1978. P. 257.

⁴⁷ *Théâtre du Ridcau Vert*, Монреаль, 1969, режиссер André Cailloux; *Théâtre populaire du Québec*, Монреаль, 1979, режиссер André Saint-Laurent.

⁴⁸ *Lavoie P. L'Idiot de la famille...* "Oncle Vania" trois productions // *Jeu*. 1983. № 28. P. 76–88. Кроме постановок, о которых сказано ниже, спектакли были осуществлены кафедрой французской литературы Монреальского университета, кафедрой театрального искусства Конкордийского университета (на английском языке), и студентами Сежепа (колледжа) Лионель-Гру (*Cégep Lionel-Groulx*).

⁴⁹ "Oncle Vania" d'Anton Tchekhov. Traduction de Michel Tremblay avec la collaboration de Kim Yaroshevskaya. Montréal, 1983.

⁵⁰ Совместная постановка *Théâtre du Nouveau Monde* (Монреаль) и *Centre National des Arts* (Национальный центр искусств, Оттава).

⁵¹ *Lavoie P. Op. cit. P. 86.* Другие рецензенты отозвались более положительно. См., например, рец.: *Dassylva M. "Oncle Vania" au TNM, Ou l'optimisme désabusé* // *La Presse*. 1983. 2 avril; *Lévesque R. Un Vania vif, une distribution exceptionnelle* // *Le Devoir*. 1983. 31 mars; *Lévesque R. J.-L.R. Le secret d'un acteur et de son personnage* // *Le Devoir*. 1983. 26 mars (об актере, исполнявшем роль Войницкого).

⁵² *Lavoie P. Op. cit. P. 81.*

⁵³ Образцом служили, очевидно, подобные инсценировки переписки Шоу с актрисой миссис Патрик Кэмбелл, Сары Бернар с ее секретарем и др. См. рец.: *Lépine S. Tchekhov — Tchekhova* // *Jeu*. 1987. № 42. P. 161–64; *Lévesque R. J.-L. R. Bouleversante Patricia Nolin* // *Le Devoir*. 1987. 29 janvier; *Donnelly P. Talky treatment for Chekhov's life* // *The Gazette*, Montreal. 1987. January 24; *Bernatchez R. G. S.: "Vivre" sur scène: le jeu est un outil qui peut parfois dépasser le texte* // *La Presse*. 1987. 25 janvier.

⁵⁴ Подробнее о постановках русских пьес в Канаде см. в статье автора данного обзора: *Clayton J.D. Bears and Beavers: Canadian Stage Productions of Russian Plays* // *Theatre History in Canada*. Vol. 3. № 2 (Fall 1982). P. 148–163.

⁵⁵ *Lantz K.A. Aspects of Chekhov's Comedy: 1880–1887. Ph.D. Thesis*, University of Toronto, 1974; *Slejskova N. The Illusion of Off-Stage Life in Theatre and its Application to Chekhov's Drama: An Analysis of "The Seagull"*. Ph.D. Thesis, McGill University, 1980; *Schubert P.Z. The Narratives of Čapek and Čekhov: A Typological Comparison of the Authors' World View*. Ph.D. Dissertation, Alberta, 1985.

⁵⁶ Адрианова А. Мастерство техники рассказа у А.П.Чехова и И.А.Бунина. M. A. Thesis, McGill University, 1974; *Ballnath E.A. Women and Chekhov*. M. A. Thesis, McGill University, 1979; *Bundala E. The Structure of the Peasant Universe in Chekhov's Short Stories*. M. A. Thesis, University of Ottawa, 1974; *Vozgenikov V. Children in the Life and Works of Chekhov*. M. A. Thesis, McGill University, 1977.

⁵⁷ *Chekhov A. Uncle Vanya: Scenes from Rural Life*. Trad. John Murrell. Toronto, 1978.

⁵⁸ *Chekhov A. The Seagull*. Trad. David French. Toronto, 1977; *Chekhov A. The Seagull*. Trad. David French, with notes by Donna Orwin. Don Mills, 1978.

⁵⁹ См. выше прим. 49.